

Кульков

Екатерина
Кульшон

Фиг ли нам,
красивым
дамам!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — *Екатерина Фerez*

Вильмонт, Екатерина Николаевна.

В46 Фиг ли нам, красивым дамам! / Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-107576-7

«Не родись умен, не родись красив...» Расхожая истина...

Героиня романа Ариадна умна, красива, любима, но не чувствует себя счастливой, хотя все кругом твердят, что ей здорово повезло. Однако внезапная встреча расставляет все по своим местам. Теперь Ариадне понятно, где любовь, а где только ее эрзац...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е.Н. Вильмонт
ISBN 978-5-17-107576-7 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей чёрной и дикой судьбе.

А. Блок

Масть

— Дань, ты чего?

— Не понял?

— Ты чего так пялишься на эту тетку?

Данила улыбнулся невесте.

— Ни на кого я не пялюсь. Просто задумался.

— О чем?

— Да не о чем, а о ком.

— И о ком же? — кокетливо спросила Илона.

— О тебе, понятное дело! А ты что, ревнуешь?

— Еще как! Но, конечно, не к этой тетке!

— А по-моему, она вовсе не тетка.

— А кто?

— Дама. Элегантная дама! В возрасте! — добавил он.

Илона улыбнулась.

— Ну то-то же!

Но Данила лукавил. Он глаз не мог оторвать от лица этой женщины. А про возраст сказал,

просто чтобы двадцатидвухлетняя Илона успокоилась. Женщине было хорошо за тридцать. Смуглая кожа, огромные глаза, чувственный рот и устало-отрешенное выражение лица. Интересно, какого цвета у нее глаза? Наверное, зеленые. Отсюда не видно. И еще поразительной красоты руки с крупными кольцами. Она медленно пила кофе из большой чашки и лениво ковыряла ложечкой какой-то десерт. Ждет кого-то?

— Дань, я пойду на минутку...

— Иди, только недолго, а то я соскучусь.

Боже, какая женщина! Обручального кольца не видно. Она почувствовала его взгляд, подняла свои фантастические глаза, оказалось, синие, и едва заметно улыбнулась. Не ему, нет. Да я ей триста лет не нужен. А я бы за такую в огонь и в воду. Интересно, какие у нее волосы? На женщине была какая-то сложная повязка, с крупным узлом возле левого уха. Но вот она посмотрела на часы, достала телефон, набрала номер.

— Алло! Иосиф Маркович? Добрый день, это Ариадна.

От ее голоса у него занялось дыхание. Ее зовут Ариадна! Как ей идет это имя.

— Опять пялишься? — раздался веселый голосок Илоны.

О чем Ариадна говорила с Иосифом Марковичем, он уже не слышал.

— Данька, а ты будешь меня презирать, если я закажу мороженое?

— Да! Я оболью тебя презрением! Но чтобы ты не страдала от моего презрения, закажу себе тирамису!

— Данька, я тебя обожаю!

— Взаимно, девушка!

К Ариадне подошел официант, она расплатилась с ним и встала. Данила удивился, она оказалась среднего роста. А он думал — она высокая.

— Стильная штучка, — заметила Илона.

— Ты находишь?

— Да! Каблуки бы чуть повыше. Хотя в ее возрасте уже тяжеловато...

Волна глухого раздражения захлестнула Данилу. Но он сдержался.

Женщина ушла. Чувство невозвратимой потери сдавило сердце. Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...

Илона с удовольствием уписывала мороженое.

Я ее не люблю, отчетливо прозвучало в голове у Данилы. Он испугался этой мысли — через два месяца предстояла свадьба. Не гони

коней, сказал он себе. Илона отличная девчонка, она меня любит, и вообще... Ей двадцать два, она красотка, вроде бы неглупая, вполне хозяйственная, мама ее одобряет. А эта... Надо же, Ариадна... Эту Ариадну я, скорее всего, никогда больше не увижу. Если бы я был художником, я бы писал ее портреты, много портретов, разных... Интересно, зачем на голове у нее эта повязка? Волосы плохие? Или облысела после химиотерапии? Фу, что за мысли! Или я защищаюсь от впечатления, которое произвела на меня эта Ариадна? Похоже на то. На такую женщину никогда не надоест смотреть. И голос ее слышать тоже... Да ладно, Данила, это как в кино — увидел какую-то немислимую красавицу и стал ее фанатом. Но жить это ведь не мешает. Да и забудется она дня через два.

— Данька, как твое тирамису?

— Что? — очнулся он. — Тирамису? Да не очень. Бывает лучше. Ну что, попросим счет?

— Конечно!

Дни шли, а женщина из кафе не забывалась. Ее лицо, отрешенная улыбка буквально преследовали его. С этим надо что-то делать. Но что? Искать иголку в стоге сена? Время лечит, просто

курс лечения может быть более длительным. Раза два он заезжал в то кафе в надежде, что она там завсегда, но тщетно.

Навалились дела, командировка в Сирию, а там уж было не до прекрасных незнакомок. А когда он вернулся, Илона закатила ему истерику.

— Ты не должен! Ты не смеешь! Там так опасно! Я ни спать не могла, ни есть! Даяня, если ты меня любишь, умоляю, перейди на другую работу! Хорошие журналисты везде нужны! У меня же минуты спокойной не будет! А если у нас ребеночек родится? Беременным нельзя волноваться!

— Ты разве беременна?

— Пока нет, но мы же поженимся, и тогда...

— И тогда, ты полагаешь, я пойду работать в глянцева́й журнал, писать отчеты о светских вечеринках? Так это тоже небезопасно. Знаешь, я однажды слышал, как рычал Никита Джигурда. По мне, так разрывы снарядов и то благозвучнее.

— Вечно ты все сводишь к шутке, а я серьезно...

— Знаешь, я тоже серьезно. И имей в виду — я военный корреспондент, я люблю свою профессию, а если ты боишься волнений, так не

будем жениться, ищи себе мужа, более приспособленного для твоего душевного комфорта.

Она заплакала. Его охватила тоска.

— Даня, сейчас такое тревожное время...

— И что? По-твоему, я, молодой мужик, должен спрятаться под стол и держаться за твою юбку? Но я, возможно, через год-другой уже наиграюсь в войнушку и с кайфом буду вести какое-нибудь идиотское ток-шоу. А пока мне рано!

Он еще никогда не говорил с нею так жестко. Она испугалась.

— Хорошо, я понимаю. Ты, конечно, прав. Просто я так тебя люблю!

— Если любишь, запомни: на меня нельзя давить, я этого в принципе не приемлю. В принципе! А уж в том, что касается моей работы, тем более. Все. Закрыли тему.

Она испуганно на него взглянула. Он никогда еще так с нею не говорил.

— Данечка, я... Ты прости, я не собиралась на тебя давить, просто боюсь за тебя...

— Знаешь, мама тоже за меня боится, но...

— А тебе-то самому не бывает там страшно?

— Ну почему же... Бывает. Еще как! Но я уже не могу без этой работы. И знаешь, если бы я даже поддался на твои уговоры и сменил ра-

боту, ты бы меня через два месяца возненавидела. Я ведь могу быть поистине кошмарным типом, когда мне скучно, такое могу вытворить! Мало не покажется!

— Значит, тебе со мной скучно?

— Дело не в тебе. Мне с самим собой скучно вне моей работы. Месяц — это максимум, который я могу выдержать. И если мне не изменяет память, я тебя предупреждал, когда речь зашла о свадьбе.

— Ладно, Данечка, я все поняла. Но ты же меня любишь?

— Да люблю, люблю...

О господи, неужели все бабы задают этот идиотский вопрос? Интересно, та женщина тоже задает его? Уверен, что нет. У нее просто нет сомнений, что любой мужик, до которого она снизойдет, будет помирать от любви. Тьфу ты, что за наваждение! Больше месяца прошло, а она все не забывается.

— Данчик, ты папе сообщил о свадьбе? — спросила мама.

— Конечно. Обещал приехать.

— Вот и славно. Он тебя не отговаривал от женитьбы?